

Планета ГРЕНВИЛЛА

СБОРНИК
ФАНТАСТИКИ

СОДЕРЖАНИЕ

Чужие	3
Новогодние розы	8
Замочная скважина	14
Проблема погоды	23
Мертвая планета	36
Планета Гренвилла	43

ФАНТАСТИКА

РАССКАЗЫ

*Елена Оселедчик
Джон Кристофер
Мюррей Лейнстер
Джеймс Мак-Интош
Эдмонд Гамильтон
Михаель Шаара*

ПХО «ТРАНС КИП»
Москва
1990

*Составление и перевод Елены Оселедчик
Оформление Станислава Минчёнка и
Михаила Странда*

*Е. Оселедчик
Д. Кристофер
М. Лейнстер
Д. Мак-Интош
Э. Гамильтон
М. Шаара*

© Составление, перевод на русский язык, оформление.

Составление и перевод Е. Оселедчик
Оформление С. Минчёнка и М. Странда
Редактор Н. Терехова
Художественный редактор Н. Ковалёва
Технический редактор В. Позднякова

Сдано в набор 27.09.90. Подписано в печать 30.11.90.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Литературная». Офсетная печать. Тираж 50 000 экз. Цена 2 р. 50 к.

ПП «Чертановская типография» Мосгорпечать.
113545, Москва, Варшавское ш., 129а.

Чужие

Виноваты были оба. Они это знали, но не признались бы даже под пытками. Что ж, пытки предполагались в самом недалеком будущем: у Флая почти не осталось воздуха, у Сауты — воды.

Какой дьявол их занес одновременно в этот безвестный уголок Галактики, где вокруг умирающего солнца торопливо бегала единственная маленькая планета?! Какой дьявол повелел им проложить один и тот же курс, который ни Флай, ни Саута не пожелали уступить друг другу?! Какой дьявол заставил их с каменными лицами выжимать из двигателей все, не обращая внимания на жалобный вой противометеоритной системы, предупреждающей о работе на пределе?!

Какой дьявол? Если у вас нет особого желания шутить над собой, постарайтесь не задавать эти вопросы. В любом, даже самом дальнем, закоулке Вселенной на вас будут долго смотреть, стараясь понять — не шутите ли, а потом будут невесело смеяться, пожимая плечами, а если нет плеч, то чем придется. Что здесь объяснять: Флай был с Ксиллы, Саута — с Глории.

Первой галактиане нашли Глорию. Вообще-то, планета называлась не так. Но галактиане, в порыве радости, дали ей это торжественное имя, а польщенные жители охотно согласились. Пожалуй, и вы бы не отказались, чтоб вашу, доселе никому не известную, планету назвали «Слава», пусть и на забытом языке.

Разум во Вселенной — нередок, но облачен в самые причудливые формы. Можно понимать и уважать друг друга, даже испытывать симпатию, но сердце ищет себе подобных. На Глории галактиане наконец-то обрели похожих на себя не только разумом, но и телом младших братьев.

Глориане пока копошились в околопланетном пространстве. Хватало болезней, не всегда хватало энергии, еды. Быть младшими братьями оказалось почетно и... выгодно. Галактиане не

скупились: нескончаемым потоком полились невиданные материалы, межзвездные корабли, лекарства, новые источники энергии и сверхщедрый дар — почти бессмертие.

А еще через несколько лет была открыта Ксилла. Теперь их стало трое во Вселенной! Семья! Семьи не получилось...

Вы, мудрецы, постигшие законы бытия и ход времени, вы, познавшие тайны вещей и судеб высоколобые жрецы науки, разъясните: чья воля сталкивает и разводит народы, что заставляет существа одной расы и одной крови ненавидеть и презирать друг друга? Неужели различия характеров, обычаев, затаянная ревность сильнее счастья обретения друга? И сколько поколений должны исчезнуть во вражде и злобе прежде, чем поймут и примут такую простенькую истину: другой — не значит враг.

Нет, внешне все обстояло благопристойно, но как-то незаметно на Глории возникла поговорка: «Глуп, как ксилл». На буйных карнавалах Ксиллы появился новый персонаж — высокомерный глорианин, все время попадающий в самое дурацкое положение. Постепенно все контакты между планетами прекратились, и даже всемогущие галактиане признались в своем бессилии наладить их. В других мирах стало известно: хотите нажить себе врага, похвалите при глорианине Ксиллу, или при ксилле — Глорию.

Кара не замедлила последовать. Оба корабля на предельной скорости ворвались в метеоритный рой. Миг — и разбита регенерационная водная установка у Сауты, другой — и Флай лишился кислородной системы. Рваные края обшивки тут же затянулись, но было поздно — не работали даже аварийные системы. Компьютеры равнодушно подтвердили: сделать ничего нельзя.

На планете не было и жалкого подобия атмосферы. Поэтому грозными кинжалами всюду торчали скалы, скалы, скалы... Волей-неволей им пришлось сесть рядом на единственный ровный клочок.

Саута сидел, слегка откинувшись в кресле, холодно глядя на экран. Тот показывал неуклюжую фигурку в скафандре, странно напоминающую букет цветов в хрустальной вазе. На шлеме, груди, руках переливались красные, зеленые, синие радужные пятна, переходя к ногам в сверкающее серебро. Сауту передернуло от отвращения.

На Глории не было смертной казни в обычном понимании. Преступникам не отрубали голову, не ломали хребет, их не вешали, а просто одевали в такой же разноцветный балахон и выводили на площадь, в толпу. При жизни Сауты так были наказаны лишь двое: один пытался с помощью главного компьютера захватить власть над планетой, второй позволил себе шутить над новым названием Глории, высокомерием глориан, их пристрастием к серому цвету (невольно Саута покосился

на свои колени — их обтягивал скафандр серого цвета). Первый умер сразу, другой продержался почти полчаса.

Фигурка на экране сделала несколько шагов к ракете Сауты, остановилась и застыла на месте. Затем медленно побрела назад и скрылась в корабле.

Флай стоял и смотрел на глаорианский корабль. Багровое солнце, сплошь покрытое темными пятнами, почти не давало света, и на фоне черных скал корабль казался серой тенью, призраком, цепко стерегущим заветное сокровище. Ожидать было нечего. Бортовые компьютеры успели обменяться информацией, и Флай знал, что умрет раньше: глаорианину хватит воды почти на неделю. И все же, пока есть кислород в скафандре, он обязан жить.

Саута отвернулся от экрана, закрыл глаза и попытался сосредоточиться. Итак, по порядку: заблокировать канал внешней связи компьютера, включить аварийный сигнал, еще раз проверить водную систему... хотя, конечно, ремонт невозможен...; приказать роботу выбросить испорченный хлам. Дальше остается одно — ждать.

Снова и снова Флай кружил по кораблю. Два дня, два дня... Компьютеры никогда не ошибаются... Флай подошел к экрану. Вот он стоит, такой же, как у него, корабль — одна конструкция, одни и те же очертания. Можно на минуту забыть и представить, что это — свой... Как весело и быстро они смонтировали бы водную установку, а потом... до Ксиллы всего три недели. Но там сидит чужой. Сноб проклятый! Даже не вышел из корабля. Ждет, притаился...

Саута потянулся и презрительно усмехнулся. Что ж, время на его стороне. Два дня — недолгий срок. Еще день на ремонт, он сам поможет роботу, — и в путь... Сразу же вернется на Глаорию. Пожалуй, не стоит рассказывать об этом приключении. Разумеется, он ни в чем не виноват, не уступать же было ксиллу?! И вообще, все могло повернуться иначе, и тогда бы уже ксилл спокойно дожидался его смерти, чтобы починить свою систему и двинуться дальше. И все же надо быть поосторожнее. На Глаории не одобряют горячих голов.

На экране снова появилась фигурка ксилла. За ним, смешно топая, шел робот, он что-то нес. Они подошли к краю площадки и скрылись за скалами. Саута подскочил. Что тот задумал? Неужели... Конечно. Он поступил бы так же, и любой глаорианин на его месте. Никогда бы они не позволили ксиллу торжествовать над собой. Он бы взорвал, уничтожил корабль... Нет, надо по-другому. Открыл бы люк, пусть входит, радуется — его взяла. А потом вдруг окажется, что не хватает малюсенькой детальки... И могила на планете становится общей!

Саута очнулся. Ксилл так и сделал! Осталось лишь гадать, что спрятано, сумеет он найти или заменить недостающее? Быть может, подскажет компьютер ксилла? Саута поспешно вклю-

чил вызов связи. Проклятье! Ксилл тоже заблокировал компьютер. Холодная злоба подступила к горлу.

Еще не поздно. Сейчас они вернутся. И тогда ксилла можно убить. Он не ждет этого. Робот покажет место. И все в порядке.

Галактиане... От них ничего не скрыть. Спаси жизнь ценой позора Глории... И оказаться на площади... Как те двое... Ну, нет!.. Он с тем же холодным бешенством глядел на возвращающегося ксилла. Ждать, ждать...

Прошло девять часов после того, как Флай вместе с роботом выкинул полуразрушенный радиоактивный элемент из кислородной системы. Планета не вращалась, и солнце все тем же багровым пятном торчало в зените на черном небе с редкими звездами. Все так же возвышался ненавистный корабль. «Глупо, глупо, глупо...» — билось в мозгу Флая. Глупая нелепая смерть ждала его всего лишь через сутки.

За все время глорианин ни разу не спустился на поверхность, не сделал попытки связаться с Флаем. Быть может, он ждет от ксилла просьб, унижения? Или просто первого шага? Флай включил сигнал вызова. «Канал заблокирован, канал заблокирован», — невозмутимо произнес компьютер. Флай понял, что ожидал этого.

«От жажды умираю над ручьем...» — из каких неведомых глубин времени пришла эта строка и кто занес ее на Ксиллу? Флай горько засмеялся: пожалуй, лучше не скажешь.

Внезапно люк глорианского корабля распахнулся и тяжело груженный робот выбрался наружу. Флай вгляделся в охапку железа у робота: остатки водной регенерационной установки. Глорианин мудро решил не терять драгоценного времени.

«Он так уверен в моей смерти»... Ксилл заметался по кораблю. На сутки воды хватит, а больше ему не надо. Разбить установку... Нет, не получится. Удивительно, как это удалось метеориту. Тогда возьмем детальку, вот эту...

Флай остановился, подошел к экрану и долго смотрел на глорианского робота, трудолюбиво вытаскивающего из корабля различные железки.

«От жажды умираю над ручьем...» Это нетрудно устроить. Умрет и он, и глорианин. Победа не достанется ни Ксилле, ни Глории. Ничья. И двое трупов. И ненависть во веки веков. Пусть так и будет!

Саута медленными глотками выпил стакан воды. Остались сутки. Но воду надо побережь — неизвестно, что ждет его на корабле ксилла, какие сюрпризы тот приготовил.

Его отвлекло движение на экране. Саута, как замороженный, смотрел на показавшегося в проеме люка ксилла. На плече он тащил баллон очень похожий на кислородный. За ним вышел

робот, но остался стоять у раскрытого люка. Ксилл направлялся к кораблю Сауты.

Саута недоуменно поднял брови: неужто он воображает, что глорианин может дать ксиллу кислород? И как может так унижаться — сейчас начнет стучать, просить... Хотя, чего же ждать от ксилла, разве они имеют представление о чести?! В любом случае люк останется закрытым.

Ксилл действительно подошел вплотную к кораблю, но стучать не стал. Поставил баллон у люка и повернул обратно. Саута удивленно раскрыл глаза. Чего он хотел? Зачем приходил? Что оставил в баллоне, который нес с таким трудом? Мысли Сауты путались, глаза не отрывались от понурой фигурки медленно бредущего ксилла.

Тот вдруг остановился — ровно на половине пути. Постоял. Что-то жалкое было в его позе. Но что это? Ксилл начал снимать шлем, вот он рывком отбросил его... Секунду постоял и упал лицом к звездам, широко раскинув руки.

Но почему?! Зачем он это сделал? Он мог прожить еще целые сутки!

Саута внезапно вспомнил о баллоне. Что в нем? Быть может, ксилл решил взорвать его корабль? Или здесь другая ловушка? Нужно поскорее убрать его от корабля.

Саута позвал робота, приказал ему оттащить баллон к скалам и выяснить, что в нем. Немного повозившись, робот боком вылез из корабля, схватил баллон и запустил анализаторы. «Ну, что там?» — сердито спросил глорианин. «Вода». «Вода? — не поверил Саута. — Проверь еще раз на радиоактивность и яды». «Чистая вода, — снова доложил робот. — Посторонних примесей не обнаружено».

Саута почувствовал, как щеки обдало жаром. Краска стыда залила лицо. Так вот зачем он приходил! И вот зачем он умер! Саута не отрываясь смотрел на мертвого ксилла. На мертвого друга.

Ровно через сутки корабль Сауты улетел. Он направился на Ксиллу.

Новогодние розы

Посадка была отличной. Не отрываясь, я следил за прибором — все это время стрелка не поднималась выше 4,5 «Г». Для такого космического корабля как «Звезда» недурно: бывали случаи, когда при посадке на Землю прибор показывал и 7 «Г». Но чувствовал я себя не очень хорошо.

Молодой Стенвей оказался на ногах прежде, чем остановились моторы. Я продолжал лежать на сиденье, смеясь, он подошел ко мне:

— Просыпайся, Джон. Мы уже на Земле!

Вскочив с места, я сразу почувствовал себя опять здоровым.

— Наконец-то мы на Земле, — сказал Стенвей. — Какой сегодня день?

— Пятница.

— Пятница! Смотри, Джо! Полет на Луну и обратно займет 14 дней. Новый год мы будем встречать на Земле, — обрадовался он.

— Почему обязательно на Земле? — засмеялся я. — Не так уж плохо начать новый год на Луна-сити.

Стенвей был молод и ко всему относился серьезно. Для него важно встретить Новый год на Земле. А для меня? Ну, что ж, не будет большой разницы: на Земле или в Луна-сити.

Я пошел навестить Люю и нашел его в каюте. На «Звезде» он лишь на два года меньше меня, но виделись мы редко, потому что работали в разных концах корабля.

— Привет, Джо, — сказал он. — Все еще работаешь с нами?

— Почему бы и нет? Я чувствую себя молодым.

— Ну, если бы я был на твоем месте, я бы...

— Неважно, что бы ты сделал на моем месте, — прервал я. — Можно попросить тебя кое о чем?

— Конечно, в чем дело?

Он подошел к зеркалу и начал пудрить лицо, маскируя проступавшие капилляры — верный признак пребывания в безвоздушном пространстве. Я не мог понять, что происходит со мной:

разумеется, на Земле капилляры выделяют нас, но почему космонавт должен стыдиться этого?

— Ты руководишь погрузкой для следующего полета? — спросил я. Он кивнул головой.

— Хочу взять кое-что на корабль.

— Сколько?

— Около метра в длину и пол метра в ширину у основания.

Лью удивился:

— Джо, ты сам космонавт, и должен хорошо знать, что каждый грамм груза на борту рассчитан. Что ты хочешь взять?

— Это для старого Ганса, — объяснил я. — Хочу привести ему новогоднюю елку.

Лью ничего не ответил. Он продолжал пудрить лицо, но сквозь пудру все еще проглядывали красные нити капилляров. Наконец он сказал:

— Хорошо, принеси елку, я возьму ее на борт.

— Спасибо, Лью. Ты не знаешь, сколько дней мы пробудем на Земле?

— Девять, и не забудь о завтрашней медкомиссии.

Я быстро взглянул на него, он накладывал следующий слой пудры и не обращал на меня внимания. Почему он напомнил о медкомиссии? Мы проходили ее после каждого полета, и он знал, что я не мог забыть об этом.

В городе у меня было много друзей, поэтому о елке для Ганса я вспомнил только за два дня до отлета. В нашей конторе клерк объяснил мне, что дерево можно купить в питомнике Клиффа, находящемся в пятидесяти милях от города. Я поднялся на крышу, вызвал гироплан и меньше, чем через десять минут оказался в питомнике.

До чего же хорошо было там: белый снег, зеленовато-голубые ели и множество теплиц. Я подумал, что прошло более десяти лет с тех пор, как был за городом.

Мистер Клифф, маленький кругленький человечек, встретил меня на посадочной площадке и с улыбкой приветствовал:

— Майор Дэвис, я счастлив видеть вас здесь. Не так уж много космонавтов приезжают сюда. Хочу показать вам мои розы.

Он был очень дружелюбен, а я не спешил возвращаться в город, поэтому мы пошли смотреть розы.

В оранжерее их было много.

— Я забыл, что они так пахнут, — сказал я.

Мистер Клифф очень гордился своими розами:

— До Нового года осталась неделя, а у нас такие розы. Посмотрите-ка.

Это была белая прекрасная пахнущая весной роза. Позабыв обо всем, я ходил за мистером Клиффом, смотрел на цве-

ты, трогал их, дышал ими. На часы я взглянул, когда стало темнеть.

— Я приехал купить новогоднюю елку.

— Вы будете встречать Новый год на Земле? — спросил м-р Клифф, улыбаясь.

— Нет, возьму елку в Луна-сити.

— В Луна-сити?!

— Для человека по имени Ганс. Он живет около сорока лет там. Родился в маленькой деревушке в Европе. Зимой вокруг деревни лежал снег, росли ели. Он все время думает и говорит об этом.

— Почему же не возвращается?

Меня всегда удивляло, как мало люди знают о жизни космонавтов, я объяснил:

— Врачи не пускают. Они называют это суммарной перегрузкой организма. Нельзя посадить или поднять космический корабль без начальных перегрузок. На разных планетах они, конечно, разные. На Земле равны 5 или 6 гравитациям, или 5—6 «Г», как мы говорим.

— Физически вы можете быть очень крепки, — продолжал я, — но и тогда они сказываются. Особенно на сердце. Врачи делают предупреждение, когда сердце начинает сдавать. Тогда вы можете уйти на пенсию, но многие космонавты продолжают летать. Они любят свою работу, им нравится их жизнь и...

— И?... — перебил меня м-р Клифф.

— Следует последнее предупреждение. Мы проходим медицинскую комиссию после каждого полета. И однажды ответ будет «нет». Вы можете говорить, что угодно, но ответ будет все равно «нет». Следующий полет убьет вас, поэтому врачи просто не разрешат вам войти в корабль.

— Они очень добры, — сказал м-р Клифф.

Я засмеялся:

— О, очень добры. Только вот Ганс получил свое последнее предупреждение в Луна-сити.

— О-о-о... — м-р Клифф посмотрел на красную розу, которую держал в руке. — Как давно это было?

— Ганс очень стар. Сейчас ему более семидесяти. Обычно первое предупреждение получают в тридцать. Ему повезло, и он проработал после этого больше десяти лет. Около тридцати лет назад, я думаю.

— Как велик этот Луна-сити?

— Два квартала в длину, квартал в ширину и еще квартал под землю, — ответил я.

— Это ужасно. Прожить вот так тридцать лет. Без деревьев, без птиц... И молодежь знает это и все-таки рискует?

Я очень разозлился:

— Вы не понимаете, м-р Клифф, в жизни космонавта есть нечто... Иногда проходит более пяти лет между первым и по-

следним предупреждением. Например, у Ганса было больше десяти лет. Космонавту всегда хочется в полет, еще и еще. Если повезет, то последнее предупреждение настигнет здесь, на Земле.

Он тихо спросил:

— Когда вы получили ваше первое предупреждение, майор Дэвис?

Я разозлился еще сильнее:

— Три года назад. Но я прилетел сюда купить елку, а не обсуждать мое первое предупреждение.

— Я покажу вам хорошую елку, но, пожалуйста, не нужно денег.

— Спасибо, м-р Клифф. Простите мою грубость.

Запах елей, которые он показал мне, напомнил детство и каникулы, проведенные в лесу.

— Знаете, майор Дэвис, — сказал м-р Клифф. — Хочу предложить вам кое-что, что вас может заинтересовать...

Я не видел Лью, когда проносил елку на борт, не видел его до конца второго дня полета.

Когда я вошел в рубку, он сидел в кресле и читал книгу. Экран радара был удивительно чист, шел период спада метеорной активности.

— О, я вижу, ты неплохо устроился.

— У меня слабое сердце, ты же знаешь, поэтому я отдыхаю как можно больше.

Я дал ему сигарету.

— Спасибо за елку. Что ты выкинул? Золотые слитки? Он покачал головой:

— Нет, портативный компьютер. Если мы встретим метеорит или понадобится проверить вычисленную тобой орбиту, мне придется делать это карандашом на бумаге. Будет несколько медленнее, как ты понимаешь.

— Не беспокойся. Сейчас период спада метеорной активности, а моя орбита — правильная. Я вычислю ее лучше, чем в нашем полете назад, на Землю, который станет последним для меня. Я ухожу с работы, Лью.

— Рад за тебя, Джо. Не жалею, не стоит. Я уйду, как только получу первое предупреждение.

— Да, ухожу, — повторил я. — Буду жить в деревне. В питомнике. Ели и... розы — розы зимой.

Мы сели при 3 «Г», и я снова почувствовал резкую боль в груди и странную слабость. Через несколько минут все прошло. При лунной гравитации я встал легко.

Через воздушный шлюз мы прошли в Луна-сити. Я высматривал старого Ганса среди толпившихся около шлюза людей, но его не было, тогда я окликнул Портигью — друга Ганса:

— Портигью! Где Ганс? Я привез ему елку.

Портигью был так велик и толст, что, кажется, я догадался,

почему он живет в Луна-сити — легко двигаться он мог только при лунной гравитации.

— Поздно, — сказал он. — Ганс умер два дня назад. Мы выносим его через несколько часов.

В Луна-сити не было ничего лишнего, все привозилось за четверть миллиона миль с Земли. Когда люди умирали, их тела сохраняли до наступления лунной ночи, которая длилась 336 часов и замораживала остатки атмосферы. Затем тело погружали в катерпиллер, вывозили в скалы и оставляли там. Везти его на Землю не представлялось возможным.

Портигью вывел катер через воздушный шлюз. Лью и я сидели позади него, рядом с телом старого Ганса, покрытым простыней и лежащим на полу. Мы молчали. Не думаю, что смерть сделала нас молчаливыми; мы любили старину Ганса, но он был стар и смерть избавила его от Луна-сити, который он ненавидел. Нас заставила замолчать смерть снаружи: мертвые скалы, кратеры и сверкающие звезды.

Портигью остановил катерпиллер возле Плоских Камней, которые служили кладбищем в Луна-сити. Мы опустили забра-ла наших гермошлемов и вышли. Портигью и я вынесли старину Ганса, его тело было поразительно легким. Лью шел позади, держа елку. Замерзшие на ней капельки воды превратились в сияющие звезды.

Мы положили тело, закрепили деревце камнями, молча постояли и вернулись в катерпиллер.

Мы сидели в катере, курили и смотрели через лобовое стекло. Елка стояла зелено-белая на фоне черных скал. Над нами была Земля. Я мог видеть Италию, светлую и ясную, но страна Ганса скрывалась декабрьскими облаками.

Молча Портигью завел мотор, мы вернулись в Луна-сити.

— Что ж, ребята, сейчас не помешает глоток виски, — сказал Портигью.

— Сначала медкомиссия, — ответил Лью. — Мы присоединимся к тебе позже.

Когда мы пришли в Центр, все космонавты уже прошли осмотр и нам не пришлось ждать. Полчаса спустя мы сидели в холле, ожидая, когда врачи заполнят наши карточки.

Чуть позже голос объявил:

— Майор Грейв, майор Дэвис, ваши карточки готовы.

Лью взял свою карточку первым. Она была голубой с надписью: «ПЕРВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ».

Лью засмеялся.

— Слушай, Джо, — сказал он. — Тебе не нужен третий партнер разводить цветочки?

Я не ответил. Я смотрел на свою карточку, которую протягивал мне доктор — она была красной. Многие не понимают, что это значит. Это была карточка человека, затянувшего с

уходом на пенсию. Это было началом истории, конец которой я только что видел у Плоских Камней.

— Только один полет, доктор, — сказал я. — Когда вернусь на Землю, уйду.

— Очень сожалею, майор, но вы знаете, что это невозможно.

Я знал. Знал, что спорить напрасно. Лью ушел. Мы, космонавты, понимаем, что получившего красную карточку лучше не утешать. Я посмотрел на врача, он отвернулся. Он был молод, возможно, это была его первая красная карточка. Я медленно вышел.

С крыши Луна-сити можно видеть небо: ночью вы увидите звезды и мягко сияющую Землю. Часами я просиживаю здесь, смотря на них и думая: «Я мог бы наслаждаться запахом роз».

Замочная скважина

Существует рассказ о психологе, который так изучал интеллект шимпанзе: вносил обезьяну в комнату, полную игрушек, выходил, запирал дверь и, припав к замочной скважине, пытался увидеть, что та делает. С другой стороны скважины на него смотрел карий глаз — обезьяна наблюдала за психологом.

Когда Бутча принесли на станцию, он был похож на пушистый мешок: из-за земного тяготения не мог стоять на своих тонких лапах.

— Что вы делаете? — сердито заорал Ворден. — Зачем принесли его? Ведь включены гравитационные катушки!

Он взял Бутча на руки и быстро перенес в комнату, специально приготовленную для таких случаев.

Это была классная комната, в которой обучали детей, живущих на станции, часть ее была переделана в пещеру. Гравитационные катушки под комнатой были выключены, так что сохранялась лунная гравитация. На станции катушки усиливали тяготение до нормального, земного — без этого люди не в состоянии были работать.

Войдя в комнату, Ворден опустил Бутча на пол — было трудно передвигаться: его вес составлял всего двенадцать килограммов, тогда как на Земле он весил семьдесят два. Но для Бутча это была обычная гравитация. Он приподнялся и внезапно через всю комнату прыгнул в пещеру. Она полностью воспроизводила те, в которых жили обитатели Луны.

Бутч забрался на одну из скал, обхватив ее вершину руками и ногами. Ворден наблюдал за ним. Несколько минут Бутч не двигался, разглядывая все вокруг, затем повернулся и посмотрел на Вордена.

— Что ж, молодой человек, — сказал тот с усмешкой, — буду твоим учителем. Придется сделать из тебя предателя. Извини, мне это не нравится, но что я могу поделать?

Он знал, что Бутч не может его понять и говорил с ним так,

как разговаривают с собакой или младенцем. С Бутчем было невозможно не разговаривать.

— Да, мы сделаем из тебя предателя, — печально повторил он. — Я буду очень добр с тобой, но ты не верь мне. Если бы я действительно был добр, я бы убил тебя...

Бутч наблюдал за ним, висая на верхушке скалы. Он был очень похож на земную обезьянку и в то же время отличался от нее.

— Вот твой новый дом, Бутч, — продолжал Ворден. — Я ухожу и желаю тебе доброй ночи.

Выйдя и закрыв за собой дверь, он подошел к видеоплейтам, которые показывали школьную комнату. Долгое время Бутч оставался на скале, потом спустился на пол. На этот раз его интересовала не скала, он направился в другую часть комнаты, которая еще не была переоборудована.

Большими круглыми глазами Бутч осмотрел все, потом маленькими лапками потрогал каждую вещь. И сделал это очень аккуратно — все осталось на своих местах. После этого он вернулся на скалу, обхватил ее руками и ногами и закрыл глаза. В этом положении Бутч оставался долго. Ворден устал наблюдать и ушел.

Обитатели Луны были огромной проблемой для работающих на Станции людей. Первые прилунившиеся космонавты были уверены, что планета — мертва. Так, в течении столетий утверждали астрономы, и две первые экспедиции подтвердили это.

Но потом, во время большой американской экспедиции, один из ее членов увидел что-то движущееся среди скал, он выстрелил. Убитым оказался лунный житель. Но как он мог жить на планете, где нет ни воздуха, ни воды?

Труп доставили на Землю, биологи долго изучали его, они никак не могли поверить в это.

Тогда были отправлены еще две экспедиции, специально для поимки лунных аборигенов. Во время охоты скафандры двух космонавтов пробили камнями, брошенными издали, они погибли. Экспедиции поспешно вернулись на Землю; обитатели Луны не желали умирать «за прогресс в биологии» и оказали сопротивление.

Потом была построена Станция, но работавшие на ней люди боялись выходить за ее пределы.

Лунных жителей необходимо истребить — таков был приказ из Вашингтона. Но чтобы истребить, надо хорошо изучить их повадки, и в приказе было сказано: «поймать детеныша, попытаться приручить его и использовать в борьбе против обитателей Луны».

Теперь Ворден мог отправить рапорт на Землю. Детеныш пойман и доставлен на Станцию. Чувствует он себя хорошо, хотя комната, приготовленная заранее, наполнена воздухом, к которому он не привык.

Ворден ничего не мог рассказать о том, что детеныш ест, если вообще ест, хотя у него были рот и зубы.

Он сказал, что назвал детеныша Бутчем и обещал сообщать о нем каждый день.

Сейчас Ворден сидел у себя в комнате, размышляя о своей работе, которая нравилась ему, но которую он обязан выполнять — таков приказ. Бутча необходимо приручить, и тогда, благодаря ему люди узнают, как очистить Луну от ее обитателей.

Ворден встал со стула, подошел к видеоплейту, настроил его на комнату Бутча. Тот все висел на скале с закрытыми глазами — маленькое пушистое существо, украденное с безвоздушных скал Луны, которое должно помочь убить всех своих сородичей.

— У Бутча есть надежда только на одно, — подумал он. — Ведь никто не знает, что он ест, и если он умрет, то не станет предателем.

Но обязанность Вордена была помешать этому.

На следующее утро Ворден снова вошел в классную комнату. Было «земное утро». На Луне каждый день и ночь длились по две недели, но люди не обращали внимания на это и жили по земному времени. Бутч спрыгнул со скалы и посмотрел на Вордена.

— Доброе утро, Бутч, — сказал Ворден. — Я опять здесь. Сейчас начнем наш первый урок.

Он протянул руку. Маленькое пушистое тельце — не холодное и не горячее, температуры воздуха на станции — сопротивлялось. Но Бутч был слишком молод и слаб, и Ворден, легко взяв его на руки, отнес в переработанную часть комнаты. Здесь он опустил Бутча и завел механическую игрушку. Игрушка задвигалась, Бутч наблюдал за ней с величайшим интересом. Когда игрушка остановилась, он посмотрел на Вордена. Ворден завел игрушку опять. Снова Бутч наблюдал за ней. Когда она остановилась во второй раз, Бутч протянул маленькую лапку и взял игрушку. Он попытался завести ее сам, но оказался слаб. Тогда Бутч положил игрушку и быстро направился в пещеру. Через несколько секунд он вернулся, держа в лапке длинный узкий камень. Бутч просунул камень сквозь ушко заводного ключа и легко повернул его. Теперь он мог завести игрушку. Поставив ее на пол, он принялся наблюдать.

— Хорошо, Бутч, мой мальчик, ты умница, — печально произнес Ворден. — Ты даже знаешь принцип рычага. Не скажу, чтобы меня это очень радовало.

«Вечером» Ворден отчитывался перед Управлением в Вашингтоне по исследованию космического пространства:

— Бутча можно обучать. Ему достаточно увидеть что-то раз или два, и он может это повторить. Я разговаривал с ним, когда нес его на руках. Бутч почувствовал в моей груди вибрацию

от голоса. Когда я взял его на руки в другой раз и снова заговорил, он посмотрел на мой рот и положил лапку мне на грудь, чтобы почувствовать вибрацию. Я переложил его лапку на горло: здесь вибрация сильнее. Бутч заинтересовался; думаю, он понял причины вибрации.

Ворден остановился на минуту, затем продолжал:

— У нас приказ уничтожить... Но мы не должны этого делать! У них есть интеллект, мы должны попытаться договориться с ними, прекратить их убивать.

Несколько секунд длилась пауза, затем голос из Вашингтона сказал:

— Прекрасно, мистер Ворден! Слышимость была очень хорошая, продолжайте эксперимент.

На следующий день Ворден принес на «урок» пустую жестянку и показал Бутчу, что ее дно дрожит, если в нее говорить. Бутч сам открыл, что жестянка вибрирует, когда Ворден держит ее около рта.

На другой урок он принес тонкую металлическую мембрану, натянутую на обруч. Бутч сразу понял, для чего она предназначена.

В следующем рапорте Управлению Ворден передал:

— Бутч не понимает, как мы производим звуки. На Луне нет воздуха и звуки распространяются через скалы. Бутч чувствует вибрации твердых объектов и понимает, что это такое.

— Возможно, местные жители имеют язык или систему условных знаков, которые передаются через вибрацию скал. А если у них есть интеллект и они способны общаться, то это — не животные, их нельзя уничтожать!

Ворден замолчал. Главный биолог Управления ответил лишь через несколько секунд:

— Отлично, Ворден. Отличная работа, великолепные рассуждения. Но вы забываете об одном! Мы хотим поскорее начать освоение Марса и Венеры, не имея безопасных баз на Луне, это сделать невозможно. Мы не можем терять время на налаживание отношений с местными жителями, они должны быть уничтожены. Ваша работа превосходна, Ворден. Продолжайте ее.

В подавленном состоянии Ворден покинул комнату связи. Он полюбил Бутча и знал, что Бутч отвечает ему тем же. Каждый раз, когда Ворден входил в классную комнату, он спрыгивал со скалы и бежал к нему на руки.

Бутч был так мал — не больше 50 сантиметров в высоту, и так легок и слаб! Но в то же время он был старательным малышом, интересовался всем, что ему показывали.

Особенно его интересовали различные проявления звука; как только он замечал, что губы Вордена двигаются, то поднимал мембрану, прижав к ней палец, и ловил вибрацию, производимую голосом. Теперь он хорошо понимал, что говорил Ворден. С каждым днем Бутч все больше походил на человека.

Однажды, наблюдая по видеоплейту, Ворден обнаружил, что Бутч в одиночестве повторяет все его движения, которые он делал в этот день. Бутч воображал, будто дает урок другим жителям Луны, он воображал себя Ворденом.

Ворден почувствовал комок в горле. Как раз в это время он делал микрофон-вибратор, который должен был преобразовывать звуки голоса в колебания скальной породы и наоборот. Если местные жители действительно общаются, используя колебания скал, то такой микрофон поможет обнаружить и уничтожить их.

Ворден надеялся, что микрофон не сработает, но он работал. Когда Ворден поставил его на пол в классной комнате и заговорил в него, Бутч почувствовал под ногами вибрацию и узнал в ней звуки голоса Вордена. Затем Бутч начал стучать по полу, и микрофон преобразовывал стук в звуки. Стуча, Бутч наблюдал за лицом Вордена. Тот невесело улыбнулся и сказал:

— Извини, Бутч я не понял, что ты хотел сказать, но я знаю одно — этот микрофон принесет смерть твоим сородичам.

* * *

Микрофоны установили в скалах вокруг станции. И вскоре получили результаты.

Микрофоны установили в скалах вокруг станции. И вскоре получили результаты.

Это произошло перед заходом солнца. Бутч был пойман около середины лунного дня, длящегося 336 часов. Все это время он ничего не ел. Ворден предлагал ему съедобное и несъедобное, что имелось на станции, даже минералы.

Бутч с интересом разглядывал, но ничего не ел.

— Он умрет от истощения, — говорил Ворден. — Может быть, это — лучший выход, по крайней мере, не будет помогать нам.

Солнце опускалось все ниже. Тени становились длиннее и длиннее, последние лучи исчезали за лунными скалами.

Ворден смотрел на закат и думал о том, что снова солнечный свет увидит лишь через 336 часов...

Внезапно раздался сигнал тревоги. Заговорили репродукторы:

— Внимание! Внимание! Шум в скалах! Существа около станции! Они могут готовиться к атаке! Одеть скафандры и приготовить лучевые пистолеты!

Ворден быстро одел скафандр и в тот же момент репродуктор объявил: «Два лунных существа около станции... Они убегают! Стреляйте!»

Громкоговоритель на минуту замолчал, затем голос сказал: — Они исчезли! Они что-то оставили!

Ворден медленно подошел к интеркому.

— Я хочу выйти и посмотреть, что они оставили, — сказал он. — Кажется, я знаю, что это такое.

Спустя несколько минут он вышел через воздушный шлюз, с ним было еще два человека, все трое держали в руках лучевые пистолеты. Территория вокруг станции была освещена прожекторами.

На небе сверкали миллиарды звезд, они были в десять раз больше, чем на Земле, а сама Земля низко висела над горизонтом, в четыре раза больше, чем Луна.

Ворден с спутниками подошел к скалам, и там, на плоском камне, они увидели странную тарелку. На ней была большая куча пыли.

Ворден сказал в микрофон:

— Это подарок для Бутча. Они знают, что Бутч жив и голоден, и принесли ему немного еды.

Было ясно: малыш Бутч пойман врагами, ему нечего есть, возможно, родители Бутча, рискуя своими жизнями, принесли ему еду.

* * *

Ворден, продолжая уроки с Бутчем, очень быстро научил его читать и писать.

Странно, но микрофоны в скалах молчали после той ночи. Аборигены больше не подходили к станции: они совершенно исчезли. Люди почувствовали, что можно безопасно выходить из здания, даже начали строить давно запланированную базу топлива.

— Твои сородичи исчезли, — говорил Ворден Бутчу. — Раз они не подходят к станции, на некоторое время они в безопасности, но только на некоторое время. Ты не знаешь нас! Тебя продадут в зоопарк на Земле. И если на тебе хорошо заработают, то снова явятся сюда, на Луну, отловить побольше таких как ты для зоопарков.

Бутч, не двигаясь, наблюдал за Ворденом.

— Кроме того, — продолжал Ворден, — Космическое Управление передало мне, что на следующем корабле они посылают несколько специальных горно-проходческих машин, а я должен обучить тебя ими пользоваться.

Бутч подбежал к Вордену, прыгнул к нему на руки и положил лапку на горло. Ему всегда нравилось, когда Ворден с ним разговаривал, нравилось ощущать вибрацию в его горле.

— Когда ты научишься управлять машинами, мы обучим этому других жителей. А затем вы будете для нас добывать минералы, мы будем стоять вокруг и наблюдать за вами с оружием в руках.

Мы делали это даже со своими — индейцами, неграми в Америке...

Плохо, что у вас не развилась цивилизация, нет оружия, бомб. Мы понимаем лишь один язык — язык оружия...

Бутч прыгнул на пол и быстро подошел к классной доске, взял кусочек мела и медленно написал:

«Ты — хороший друг».

Повернул голову и посмотрел на Вордена. Ворден побледнел.

— Я не учил тебя этим словам, Бутч! — произнес он очень тихо. — Откуда ты их знаешь?

Бутч повернулся к доске и написал:

«Мой друг наденет скафандр, вынесет меня. Я уйду вместе с тобой».

Он взглянул на Вордена своими большими глазами и написал: «Да?»

Ворден, не торопясь, присел. Он чувствовал слабость и беспомощность.

— Я предчувствовал, что это должно случиться, — наконец сказал он. — Иди ко мне, я пронесу тебя через воздушный шлюз.

Спустя десять минут две фигуры удалялись от воздушного шлюза. Одна была одета в скафандр, другая, очень маленькая, прыгала и приплясывала впереди нес.

Начинался рассвет. Но звезды были все еще большими и очень яркими.

Через три часа Ворден вернулся. Бутч был с ним, а сзади шли еще два существа. Они были меньше, чем Ворден, но гораздо больше Бутча, в лапах они что-то несли. За милю до станции Ворден включил свое радио и вызвал станцию.

— Здесь — Ворден, — сказал он. — Я встретился с обитателями Луны, сейчас возвращаюсь на станцию, при мне два родственника Бутча. Они хотят сделать нам подарки. Не стреляйте, когда мы подойдем.

На Станции возникло замешательство, но когда Ворден подошел к ней, дверь воздушного шлюза открылась.

Бутч со своими родственниками был перенесен в классную комнату. Собрались все.

— Бутч и его сородичи говорят, что хотят дружить с нами, — сказал Ворден.

Начальник станции удивился:

— Ворден, ты хочешь сказать, что нашел способ общения с ними?

— Не я, — ответил Ворден. — Они нашли способ общения с нами. Их интеллект равен нашему. Мы стреляли в них, а они защищались. Они говорят, что хотят дружить с нами. Мы никогда не сможем жить на Луне без скафандров и вне станций, а они никогда не смогут жить при земной гравитации. Поэтому нам не из-за чего враждовать. Мы можем помогать друг другу.

— Все это так, — сказал начальник станции. — Но вы пре-

красно знаете, что у нас есть определенный приказ Космического Управления...

— Лунные существа тоже знают о нем, — сказал Ворден. — И они готовы защитить себя, если понадобится. Они сделали специальные зеркала, концентрирующие солнечные лучи. Этими зеркалами они могут плавить металлы.

— Вы хорошо знаете, — продолжал Ворден, — что невозможно плавить металлы без огня, а огонь невозможно получить без воздуха. Вот почему они сделали зеркала, концентрирующие солнечную энергию.

— Сейчас у них есть некоторые теоретические знания по электронике, они готовы к экспериментам. Это не трудно — они не нуждаются в вакуумных трубках, они живут в вакууме.

— Это бред сумасшедшего, — сказал начальник станции, — но ты не выглядишь сумасшедшим, Ворден. А что ты подразумеваешь под словом «сейчас»? Ты хочешь сказать, что они не знали этого раньше? Где же они научились?

— У нас, от нас, — пояснил Ворден. — Плавке металлов с помощью солнечных зеркал, думаю, — от меня, потому что я много размышлял об этом в последние недели. Машиностроению — от наших механиков. Геологии — от вас.

— Как это возможно? — недоверчиво спросил начальник.

— Очень просто, — ответил Ворден. — Задумайте что-нибудь, что хотели бы, чтобы Бутч сделал и наблюдайте за ним.

Начальник станции повернулся и посмотрел на Бутча. Тот встал и поклонился до земли.

— Этот поклон... — очень растерянно произнес начальник. — Я только что подумал о нем... Вы имеете в виду...

— На Луне нет воздуха, — сказал Ворден, — и лунные жители не могли использовать звуки для речи. Поэтому у них развилась телепатия. Звуки в скалах, которые мы обнаружили, не речь, для них это то же, что музыка для нас: они их любят, но звуки не имеют смысла.

— Телепатия! Они могут читать наши мысли! — воскликнул начальник. — И когда мы застрелили первого, они пытались связаться с нами. Сейчас они борются.

— Да, сейчас они борются и могут бороться, — сказал Ворден. — Они могут легко разрушить станцию. Но они предлагают нам остаться, потому что им есть чему научиться у нас, они хотят торговать.

— Мы подадим рапорт в Космическое Управление, — медленно проговорил начальник, — но...

— Они принесли алмазы, — перебил Ворден. — Хотят обменивать алмазы на учебники. Они могут читать! Вы сами понимаете, что мы не можем их уничтожить, но мы сделаем хороший бизнес!

— Да, мы не можем их уничтожить, но можем сделать хоро-

ший бизнес, — повторил начальник. — Этот язык мы понимаем. Но как...

— Бутч, — иронически сказал Ворден. — Это Бутч. Мы не поймали его, он сам попал на Станцию, оставался на ней, читал наши мысли и сообщал их другим. Помните, мы хотели изучить привычки лунных обитателей? Это напоминает мне рассказ об одном психологе...

Существует рассказ о психологе, который так изучал интеллект шимпанзе: вносил обезьяну в комнату, полную игрушек, выходил, запирал дверь и, припав к замочной скважине, пытался увидеть, что та делает, с другой стороны скважины на него смотрел карий глаз — обезьяна наблюдала за психологом.

Проблема погоды

— Знаю, этому трудно поверить, — сказал Кни, — но земляне умеют ремонтировать.

Через две тысячи миль, на другом континенте планеты Псит, Бру, слушавший его, чихнул, что было равнозначно смеху людей.

— При низком технологическом уровне? Как они могут хоть что-то отремонтировать? — спросил он.

В телефоне послышался треск. Что это? Но Кни не спросил и продолжал:

— Согласен с тобой: их технологический уровень несравненно ниже нашего, однако, они — лучшие ремонтники в Галактике.

— Лучшие ремонтники в Галактике! Они самые ленивые и нетерпеливые существа в Галактике!

— Возможно в этом кроется причина, — ответил Кни. — Видишь ли, когда мы создаем автомат, то испытываем его много раз, пока не убедимся, что он будет работать безотказно. Земляне не проводят столько испытаний, в случае поломки они прекрасно восстанавливают автомат, ремонтируя его. Заканчивая сборку, мы наглухо свариваем швы корпуса. Земляне затягивают их гайками и болтами, потому что рано или поздно они будут вынуждены открыть корпус для ремонта. Они...»

Он не окончил фразу, в телефоне снова затрещало.

Что происходит с твоим телефоном? Плохая погода?

— Да, у нас... здесь плохая погода, — ответил Бру медленно.

В трубке снова затрещало. На этот раз чихал Кни.

— Плохая погода?! Это невозможно! Как может быть погода плохой, когда работает установка автоматического регулирования погоды?

— Но она не работает... Я имею ввиду, что она не работает, как надо.

Кни на секунду замолчал.

— Теперь понял, — произнес он наконец, — ваш АРП вышел из строя, и вы не можете отремонтировать его. Вот почему ты интересовался моим землянином.

— Да, — сказал Бру убито. Он не испытывал удовольствия от разговора. Бру был пситианин, а они не любили неприятности и не любили признавать свои ошибки. Особенно неприятным было то, что Кни был старшим и мог попросить полный отчет о случившемся.

Но Кни не попросил, а сказал:

— Ладно, я хорошо знаю этого землянина, уверен, что он сможет отремонтировать АРП. Я пришлю его.

— Огромное спасибо, — сказал Бру. — Как его имя?

— Джон Смит.

— Очень трудное имя. Тут такая штука...

Бру замолчал, пауза была длинной и Кни начал думать, будто на линии опять помехи. Наконец Бру произнес:

— Я должен рассказать тебе... в моем округе находится другой землянин.

— Другой землянин? Я думал, что Джон Смит — единственный на нашей планете.

— Да, видишь ли... этот другой не совсем живой... и не совсем мертвый...

— А-а, один из тех, — сказал Кни медленно.

— Да, один из тех. Не знаю, как Джон Смит поведет себя, если узнает о нем. Я могу промолчать, но Джон Смит будет свободно разгуливать, и кто-нибудь расскажет ему. Он даже может зайти в музей и сам увидеть.

Наступила пауза, затем Кни сказал:

— Я посылаю к вам Джона Смита завтра, а проблему другого землянина решайте сами.

* * *

Джон Смит, одетый лишь в шорты и сандалии, вышел из космобиля в залитом жарким солнечным светом округе Тфан.

— Джон Смит? — спросил робот.

— Так мой папаша называл меня.

— Джон Смит? — повторил робот.

— Не кто иной.

— Джон Смит? — снова спросил робот.

— Да, — сказал Смит, сдаваясь.

Робот взял багаж Смита и повел его к атомокару. Через пять минут они были на месте.

Небо было черным, шел сильный дождь. Пока Смит смотрел на небо, дождь перешел в град, а затем опять пошел дождь.

— Дождь льет, как из ведра, — заметил Смит.

— Нет, сэр, дождь льет из тучи, — ответил робот.

Джон Смит, ничего не сказав, посмотрел на робота и вздохнул.

Смита встретил Бру, глава округа Тфан.

— Колмьюринс, — произнес Бру, смотря на Смита.

— Колмьюринс.

«Колмьюринс» означало «доброе утро». После нескольких фраз Бру понял, что Смит неплохо говорит по-пситиански.

Пситиане были гуманоидами (людей они, естественно, также называли гуманоидами), но походили больше на уток, чем на людей. Маленькие ноги и большие ступни поддерживали яйцевидные тела. Их белые волосатые головы могли двигаться в любых направлениях. В отличие от уток, у пситиан были две сильные руки с шестью пальцами.

Они откладывали яйца и были однополы, поэтому с трудом понимали, что есть двуполые гуманоиды и существует такое чувство как любовь.

— У нас сложности, землянин, — сказал Бру.

— Какие?

— Очень серьезные, — Бру остановился. Вместо погодного контроля, он думал о землянине в музее. Как поведет себя Джон Смит, если узнает о нем? Сейчас, когда эти земляне — члены Федерации Галактики и пользуются всеми правами Федерации, могут быть огромные неприятности из-за того, что в музее Тфана сотни лет находится землянин, и даже не мертвый.

— Установка регулирования погоды — АРП — в нашем округе сломалась и мы не можем отремонтировать ее, — начал Бру, пытаясь сосредоточиться на погоде.

Он снова остановился, вспомнив, что землянин не знает историю АРП на Псите.

— Сто лет назад, — начал он медленно, — был установлен автоматический контроль за погодой. Установка содержала в себе шесть электронных координаторов, по одному на каждый округ, и несколько миллионов блоков электронного оборудования под контролем координаторов, каждому из которых была задана программа требуемой погоды.

— Средняя температура, количество осадков, направление и сила ветра, сезонные изменения? — спросил Смит.

— Совершенно верно. Несколько лет после установки АРП в нашем климате не было изменений: координаторы только собирали и накапливали информацию. Девяносто лет назад АРП начал контролировать погоду с большим успехом.

— Какова была программа требуемой погоды? — спросил Смит.

— Очень небольшие изменения температуры изо дня в день. Дождь только ночью. Постепенные сезонные изменения. Ветер редкий и слабый. Снег и лед только в некоторых округах за

пределами городов. После двадцати пяти лет работы АРП у нас установился превосходный климат.

— А потом? — спросил Смит.

Бру как раз хотел объяснить, что случилось с АРП, но опять подумал о землянине в музее.

Среди пситиан не было преступников, они не понимали, что это такое — преступление. Солгать или скрыть правду для них было очень трудно, просто невозможно.

Внезапно Бру сказал:

— В нашем музее есть землянин в состоянии замедления жизненных процессов.

Смит посмотрел на него и засмеялся.

— Это имеет какое-нибудь отношение к проблеме автоматического контроля погоды? — спросил он.

— Нет, но я подумал, что должен рассказать вам.

— Хорошо. Если вы хотите рассказать, ваяйте. Как он попал к вам в музей, сколько лет пребывает в нем и почему вы держите его там?

Бру счастливо чихнул: было ясно — Джон Смит не поднимет шума из-за этого землянина. Некоторые посетители Псита причиняли огромные неприятности, обнаружив своих представителей в музеях.

— Задолго до того, как вы вышли в космос, землянин, — сказал Бру облегченно, — мы знали о вашем существовании, все члены Федерации знали. Но закон Федерации не позволяет кому-либо вмешиваться в естественное развитие примитивных миров и разрешает устанавливать контакты только с расами, достигшими стадии космических полетов.

— Этот землянин был привезен сюда как музейный образец за сто лет до начала ваших экспериментов с ракетами.

Смит прошептал:

— Землянин из 1850 года! Вы хотите сказать, что этот землянин находится в анабиозе более трехсот лет?

— Да.

— Но разве это не противоречит закону Федерации, запрещающему кражу живых существ другой расы?

Бру не понравился вопрос, но он заметил, что Смит перенес известие гораздо легче, чем другие инопланетные посетители, нашедшие своих представителей в музейных шкафах.

— Разрешается брать образцы, которые все равно погибли бы, — пояснил Бру. — Этот землянин был взят с первобытного корабля в момент катастрофы.

— Понятно. Он был в анабиозе все триста лет и не знает, что произошло за эти годы?

— Да.

— Вы можете оживить его?

— Можем, если хотите.

— Конечно, хочу. Давайте пойдем в музей и сделаем это сейчас же, не откладывая. Где находится музей?

— А как же АРП? — спросил Бру.

Смит усмехнулся:

— Это вы начали разговор о землянине. Так давайте закончим сначала с ним.

— Прекрасно, — сказал Бру, печально чихая.

Через четверть часа они проходили через вестибюль музея, точнее, шел Смит, а Бру, переваливаясь, семенил за ним.

— Помню, что он был где-то здесь, — сказал Бру. — Да, вот он! Смотрите!

Джон Смит посмотрел и чуть не упал, он смог сказать только:

— Черт возьми!

* * *

— Я не знал, что они двуполы, — печально говорил Бру по телефону.

— А я знал, — ответил Кни, — но не думал, что это имеет значение.

— Это очень важно. Оказывается, Джон Смит — одного пола, а землянин в музее — другого. С того момента, как увидел образец, Джон Смит сам не свой и говорит только о нем. Он и слышать не хочет о проблеме АРП.

— Извини, — сказал Кни, — но тут я не могу ничем помочь. А какие неполадки с погодой в вашем округе?

— О, ничего особенного.

Бру поскорее попрощался. Он не собирался обсуждать погоду с Кни, а позвонил для того, чтобы посоветоваться. Бру чувствовал, что допустил ошибку, сказав Смицу о землянине в музее, и сейчас боялся совершить другую... Что же делать? Кажется, лучший выход оживить землянина, как просил Смит.

* * *

Смит рассказывал по комнате, ожидая Бру. Сейчас пситианин придет и скажет, что ему можно поговорить с девушкой, Смит не мог сохранять спокойствие.

В радиусе 60 световых лет было всего четыре землянина, и все — мужчины. Последний раз Смит видел женщину пять лет назад на планете Новая Италия. Сейчас, когда он вдруг увидел эту девушку в стеклянном шкафу, его превосходно налаженный контроль над эмоциями полетел ко всем чертям.

Девушка была одета в старую земную одежду: длинное черное платье и безобразные черные туфли. Одежда, как и туфли, была безобразна, но девушка — прекрасна, самая красивая, которую он когда-либо видел.

Вошел Бру с двумя молчаливыми роботами, остановившимися в дверях.

— Ну? — живо спросил Смит. — Как она?

— Я еще не видел врачей, землянин. Но знаю, оживление живого существа, так долго пробывшего в анабиозе, занимает много часов. Думаю, пока ты ждешь, я мог бы рассказать о нашем автоматическом контроле за погодой.

— Нет, не могу сейчас думать о проблеме с погодой.

— Джон Смит, когда мы впервые встретились, вы показались очень рассудительным.

— Это было до того, как вы рассказали о девушке. Зачем вы мне сказали о ней? Почему не закончив одного, вы начали рассказывать другое?

Бру печально посмотрел на Смита.

— Боялся, что вы будете сердиться, если узнаете о землянине в музее. Думал, мы быстро решим относительно него и вернемся к проблеме контроля над погодой. Теперь не уверен, что мы хоть когда-нибудь вернемся к АРП.

Смит не слушал его, продолжал смотреть на дверь, думая о девушке, которую увидел в стеклянном шкафу с табличкой под ногами:

«Род — человеческий, пол — женский, имя — неизвестно, найден около 1850 года, истинный возраст — приблизительно 370 лет, возраст по внешним признакам — 20 лет или меньше».

— Настоящий возраст — 370 лет, кажущийся — 20 или меньше, — вздохнул Смит.

Бру снова посмотрел на него и принял решение. Повернувшись к роботам он сказал:

— Этому землянину не разрешается встречаться с другим землянином пока ремонтируется АРП. Вы передадите этот приказ всем роботам. Ничто из того, что скажет он или я, не может отменить этот приказ.

— Что вы наделали?! — закричал Смит.

— Повторите приказ.

Робот повторил:

— Этому землянину не разрешается встречаться с другим землянином, пока ремонтируется АРП. Мы передадим этот приказ всем роботам. Ничто из того, что скажет он или вы, не может отменить этот приказ.

— Правильно, — сказал Бру. Он повернулся к Смит. — Извините, землянин, это только...

— Почему вы не подумали об этой несчастной? — спросил Смит. — Здесь я — единственный член ее расы, и после 350 лет...

— Землянин, — прервал его Бру, — давайте сейчас обсудим АРП. Чем скорее вы отремонтируете установку, тем быстрее встретитесь с другим землянином.

— Хорошо, — печально произнес Смит. — Говорите. Что с ней?

— Как я уже говорил, мы создали установку автоматиче-

ского контроля погоды сто лет назад. Координаторы собрали необходимую информацию и она начала работу. Следующие 25 лет погода была точно такой, как мы хотели. Затем она стала слишком... точной.

— Слишком точной? Что вы хотите этим сказать?

— Я имею ввиду, что погодные условия одного дня были в точности похожи на погодные условия предыдущего: так же после полудня шел легкий дождь, так же ночью он шел опять. Можно было проверять часы по погоде. Конечно, были сезонные изменения, но они происходили так постепенно, что невозможно было их заметить.

— Но это же хорошо, разве не так?

— Пситиане не выносят монотонности, землянин.

— Почему же вы не подумали об этом с самого начала?

— Да, но...

— Вы хотели очень небольшие изменения изо дня в день, вы получили даже больше: полное отсутствие изменений.

— Мы это знаем, землянин. Если бы мы могли вернуть старую погоду, мы были бы счастливы сделать это.

Смит удивленно посмотрел на него и засмеялся:

— Понятно. Вы попытались изменить программу АРП и результат был неожиданный.

— Да. К счастью, эксперимент был проведен только в этом округе и...

Дверь открылась и вошел один из пситианских врачей.

— Землянин проснется через несколько минут, — сказал он Бру.

Смит сделал шаг к двери. Два робота тоже. Сквозь открытую дверь Смит увидел еще роботов, вышедших в коридор — они готовы были выполнить приказ Бру.

— Если я не могу видеть ее, то напишу письмо, — сказал Смит.

— Не знаю, можно ли это разрешить, — промямлил Бру.

— Можно! — заявил Смит.

* * *

Спустя десять минут письмо было передано девушке одним из роботов.

«Дорогая Девушка, — писал Смит, — нужно так много объяснить, а я не знаю, с чего начать.»

Сейчас 2203 год, вы находитесь на планете Псит, очень далеко от Земли. Не бойтесь этих забавных уткообразных существ, которые живут здесь. На этой планете нет других людей, кроме меня и вас. Мне трудно объяснить причину, но я не могу встретиться с вами, пока не закончу работу, из-за которой приехал сюда.

Мое имя Джон Смит, мне 28 лет, родился в Сан-Франциско,

в Америке. Надеюсь, что вы — американка или англичанка и понимаете по-английски. Посылаю вам экземпляр «Последних новостей». Это — единственный из моих журналов, в котором нет иллюстраций. Не хочу, чтобы вы их видели, пока не поймете, как много изменилось вокруг вас. Пожалуйста, напишите мне и отдайте письмо роботу.

Ваш Джон Смит.

Как только Смит передал письмо одному из роботов, Бру продолжил с ним разговор как будто и не было перерыва.

— Как я рассказывал вам погода стала такой монотонной, что мы решили немного дезорганизовать работу АРП.

— Что вы сделали?

— Мы задержали сообщения со станции управления погодой в Псоре и вместо этого передали свои сигналы.

— Что случилось потом?

— Электронный координатор АРП послал роботов в Псор проверить станцию. Мы продолжали подавать фальшивые сигналы.

— Это было не слишком умно.

— Почему?

— Ясно, электронный координатор узнал, что сигналы со станции в Псоре — фальшивые. Но в то же время у АРП было так много информации о погоде, что она могла продолжать работу без сигналов из Псора.

— Это правда. Но мы думали... Скажите, землянин, как при низком технологическом уровне вы так хорошо разбираетесь в автоматах со сложными функциями?

Смит мог бы ответить, но не стал: невозможно объяснить цвет слепому или передать музыку глухому. Он мог бы сказать, что люди больше, чем кто-либо в Галактике, отличаются друг от друга характерами и индивидуальностями. Есть добрые и жестокие, счастливые и несчастные, хорошие и плохие, энергичные и ленивые. Вот почему земляне легко научились понимать, как мыслят другие расы и даже электронные автоматы. И вот почему жители Галактики с очень высоким технологическим уровнем развития, подобно пситианам, приглашают землян объяснить им работу электронных автоматов, созданных ими самими.

— Что случилось, когда координатор обнаружил, что станция в Псоре шлет неверные сигналы? — вместо ответа спросил Смит.

— После этого вместо того, чтобы давать минимум изменений погоды и температуры, АРП начала давать максимум: один день температура была $+5^{\circ}$, на следующий -25° ; вместо легкого дождя каждый день — месяц совсем без дождя, а то в один день сразу — проливной дождь, снег и град.

— Ваш координатор — это электронный компьютер первого

класса, да? — спросил Смит.

— Он — компьютер высшего класса.

— Саморемонтирующийся?

— Саморемонтирующийся и полностью автономный. Он совершенно автономен, кроме одного: когда один из координаторов ломается, другие берут на себя его задачу, пока не восстановят его механизм полностью.

— Попытались ли эти другие пять координаторов что-нибудь сделать, когда ваш начал давать максимум вариаций погоды?

— Нет.

— Значит, другие координаторы согласны с программой погоды, которая сейчас в вашем округе, — сказал Смит.

Бру посмотрел на него с удивлением и ужасом.

* * *

Первое письмо от девушки было передано Смиту на следующее утро. В нем говорилось:

«Дорогой Мистер Смит, я не могу понять, почему вы не можете увидеться со мною. Пожалуйста, скажите правду. Мы пленники? Не бойтесь сказать, я не упаду в обморок. Вчера вечером я попыталась нарушить приказ и покинуть комнату, чтобы увидеть вас, но механические люди остановили меня.

Если у вас есть журналы с картинками, пожалуйста, поскорее пришлите их: я хочу знать, что носят в 2203 году.

Зовут меня Генриетта Баттерби, мне 18 лет, вернее было.

Последнее, что я запомнила на Земле, это борт корабля, идущего из Англии в Индию.

Пожалуйста, ответьте сразу и дайте знать, когда я смогу вас увидеть.

Искренне ваша

Генриетта Баттерби».

Смит сразу написал ответ, но не передавал до тех пор, пока не сшили для девушки платья. Потом написал длинное письмо, послал еще журнал и новую одежду. Он ожидал, что платья поразят девушку, и, когда получил ответ, то увидел, что не ошибся. Она писала:

«Дорогой мистер Смит, я не верю, что невозможно отменить приказ, особенно, если пситиане так нуждаются в ваших услугах. Это несносное создание Бру вмешивается во все, даже его машина погоды отказывается работать с ним. Почему вы не обратитесь к кому-нибудь, кто обладает большей властью, чем Бру? Разве вы не знаете такой простой вещи, что встречаясь с

глупым приказом, надо обратиться к высшей власти? Думаю, вы просто не хотите сделать это.

Спасибо за присланные письма. Я, конечно, их не надену. Нет женщины, которая бы сделала это, и картинки в вашем журнале не разубедят меня.

Искренне ваша.

Генриетта Баттерби».

Третье письмо Смита ничего не изменило, четвертое помогло еще меньше: мнение Генриетты Баттерби о нем менялось в худшую сторону. Смит почувствовал, что только личная встреча может изменить положение.

* * *

Было очень трудно достать инструкции и программы, заданные первоначально координаторам АРП. Бру не понимал, для чего они нужны. Наконец, Смит нашел их в технической библиотеке, тщательно изучил и явился к Бру.

— Хочу видеть Генриетту, — сказал он.

— Вы же знаете, что это невозможно, землянин.

Смит засмеялся:

— Это не невозможно. Генриетта подсказала мне, как это сделать.

— Как?

— Обратиться к более высоким властям, чтобы они отменили ваш приказ.

— Более высокие власти?

— Кни. Он — высшая власть всех шести округов, и роботы знают об этом. Ему достаточно поручить своим роботам передать вашим, что мне разрешено видаться с Генриеттой, и...

— Не нравится мне эта идея, — закричал Бру. — Вы согласились не видаться с землянином Генриеттой, пока не узнаете, что с АРП.

— Но я уже знаю, что с ней.

— Что?!

— Все очень просто — Генриетта подала мне мысль.

— Землянин Генриетта подала вам мысль, как отремонтировать АРП?!

Смит снова засмеялся:

— Не совсем. Она подсказала причину, почему АРП стала давать максимум изменений в погоде. Я решил проверить, вот почему понадобилось просмотреть первоначальные программы и инструкции для координаторов АРП. Как только я прочитал их, понял, что она права.

— Видите ли, Бру, первоначальные программы приказывали вашей АРП полностью контролировать погоду и давать лишь небольшие изменения температуры изо дня в день. Про-

грамма указывала: если возникнет помеха в сохранении данной модели погоды, координатор обязан найти способ устранить ее. Такими помехами были ваши фальшивые сигналы из Псора.

Координатор мог продолжать нормальную работу, не обращая внимания на них. Но он проанализировал ситуацию и пришел к выводу, что неверные сигналы были посланы не случайно. Они показали: если он проигнорирует неверные сигналы, то будут найдены другие пути помешать нормальной работе АРП. Вот почему координатор решил активно бороться с вмешательством, и нашел, что лучшим способом будет выдать вам максимум возможных изменений погоды. Другие пять координаторов согласились с этим планом.

Несколько секунд Бру молчал, потом спросил:

— Все это рассказал вам землянин Генриетта?

— Не совсем так. Она дала общий ответ, а я применил его к частному случаю. Когда она сказала: «обратитесь к высшей власти», я понял, что это — решение сразу двух проблем: моей встречи с Генриеттой и вашей проблемы погоды.

— Я не понимаю вас, землянин.

— О, это совсем просто. Координаторы знают, что все работы на Псите выполняются роботами. Они так же знают, что Кни является высшей властью для всех шести округов. Он должен отдать приказ всем роботам никогда не вмешиваться в работу АРП. Уверен, когда координаторы проанализируют этот приказ, они будут удовлетворены, и ваши неприятности с погодой окончатся.

— Мы попытаемся это сделать, землянин.

— Да, попытайтесь. Но прежде попытайтесь не забыть сказать Кни, чтобы он отменил приказ относительно меня и Генриетты.

* * *

Смит пригласил Генриетту на прогулку. Он был одет в брюки и белую рубашку, она — в свое длинное черное платье.

Температура была выше 35°.

В городе все поражало девушку, и она вскоре устала, поэтому обрадовалась, когда Смит вывел ее за город в поля, где трава, хотя толстая и желтая, была все же травой, а деревья, пусть красные и темно-синие, — все же деревьями.

— Должно быть очень жарко сейчас в вашем платье, — заметил Смит.

Генриетта смерила его взглядом и сказала:

— Мистер Смит, хочу, чтобы вы поняли, что если я пошла с вами на прогулку, то это не значит, что поверила вам. Перестаньте, пожалуйста, разговаривать о моей одежде. Когда мы

встретим других землян, я узнаю, можно вам доверять или нет. Тогда...

Она остановилась — внезапно хлынул сильный дождь. Через несколько секунд дождь перешел в град.

Они побежали к дереву. Но оно было довольно далеко, и Генриетта в своем длинном платье не могла бежать быстро. Смит подхватил ее на руки и понес.

Когда они уже были под деревом, Генриетта холодно произнесла:

— Благодарю вас, мистер Смит, но вы могли бы спросить меня, хочу ли я, чтобы...

— Некогда было спрашивать. Даже сейчас вы вся мокрая. К счастью, я прислал вам одежду. Вы сможете переодеться, когда вернемся.

— Никогда, мистер Смит. Я уже говорила вам...

Любопытство взяло верх:

— Вы сшили эту одежду сами, мистер Смит?

— Нет, ее сделали роботы.

— Разве механические люди могут делать такие вещи?

— Роботы могут гораздо больше, чем шитье одежды, Генриетта. Они могут...

— Мистер Смит! Я, однако, не давала вам разрешения называть меня Генриеттой.

— Отлично, я не нуждаюсь в разрешении. Так вот, как я говорил, Генриетта, роботы могут делать гораздо больше. Они даже контролируют погоду.

— Что делают не очень успешно, — сказала она холодно.

— Вот почему я здесь. Я должен наладить их работу. Тогда мы сможем вернуться на Землю. Следующий корабль отправляется через три недели, он укомплектован пикорцами, похожими на крокодилов с овечьими ушами. Не думаю, что мы встретим кого-нибудь из землян на этом корабле. На Пике мы пересядем на другой корабль до Новой Италии, планеты в этой же системе. На Новой Италии — колония землян. Оттуда регулярно идут корабли на Землю.

— Сколько времени понадобится, чтобы достичь Новой Италии?

— Около трех месяцев. Посмотрите, град прекратился. Хотите вернуться домой?

— Да, пожалуйста. Пока вы не отремонтируете погодную машину, думаю, мне лучше не совершать загородные прогулки.

* * *

— Итак, вы решили проблему погоды, — сказал Кни. — Я так и думал. Бру не слишком умен.

— Да, — согласился Смит. Он знал, что пситиане почти не

отличались характерами, но, отличались друг от друга умственным развитием и способностью к воображению.

— Я взял два билета на пикорский корабль, как вы просили, — сказал Кни. — Вам повезло. На корабле уже путешествуют два землянина.

— О-о-о-о!!! — простонал Смит. Он не был рад, услышав новость, как думал Кни. Только Смит знал, как дорога ему стала Генриетта, и надеялся, что за три месяца путешествия изменит ее мнение о себе.

— Да, ваш друг Генриетта уже встретила их, думаю...

Смит, не дождавшись конца фразы, бросился к кораблю. Увидев Генриетту, он замер — на ней было зеленое платье, присланное им.

— Я встретила двух землян, — сказала Генриетта с улыбкой. — Извините, что не поверила вам. Вы были очень добры ко мне... Я поняла, что все эти дни вы говорили правду.

— А? — единственное, что произнес Смит.

— Они очень хорошие люди, хочу брать с них пример во всем, — произнесла она, лукаво улыбаясь.

— А! — снова сказал Смит.

Через несколько минут он встретил этих людей. Молодая женщина с улыбкой приветствовала его:

— Здравствуйте.

Молодой человек представился:

— Наша фамилия — Гордон. Мы... — он счастливо улыбнулся. — У нас свадебное путешествие.

Мертвая планета

Планета выглядела темной, холодной и безжизненной, но нам было не до этого. Нас интересовало только одно: останемся ли мы живы после того, как наш поврежденный корабль совершит посадку.

За пультом сидел Терн. Мы надели скафандры, надеясь, что, может быть, спасут нас, если все плохо кончится. В них мы были похожи на трех странных неуклюжих робота с механическими руками и ногами.

— Почему суждено разбиться именно здесь? В этой никому неизвестной части галактики? — завопил Дрил.

— Нам еще повезло, что мы оказались около какой-то планеты, когда отказали реакторы, — заметил я.

— Повезло, Орок? — воскликнул Дрил. — Повезло остаться в живых на несколько дней? Ведь, больше, чем несколько дней, мы не протянем.

Он был прав. Планета оказалась мертвой. Она находилась в конце галактики и вращалась вокруг темно-красного солнца, очень старого и умирающего. У солнца было шесть планет. Мы выбрали последнюю, потому что она не казалась безжизненной. Но сейчас мы видели: жизни здесь нет, вся планета занесена снегом и льдом, воздух отсутствует.

Остальные пять планет были еще хуже. К тому же, мы уже не могли изменить курс. Оставалось неясным, смогут ли два генератора, которые пока еще работали, обеспечить достаточное торможение при посадке.

Смерть стояла рядом, мы знали это, однако держались спокойно — мы были членами Звездной службы и всегда работали рядом со смертью. Многие погибли в самых дальних уголках Галактики. Много кораблей уходило, подобно нашему, к дальним звездам и только две трети, а то и меньше, возвращалось.

Раздался голос Терна:

— Мы скоро достигнем планеты. Я попытаюсь замедлить скорость, но... будьте готовы ко всему.

— Кое-где снег кажется глубже,— сказал Дрил,— Возможно, там чуть помягче.

— Мы сядем на лед,— ответил Терн медленно.— Если разобьемся, на нем будет виднее. Придет другой корабль, найдет нас, и наши таблицы и карты не пропадут.

В этом и заключалось то, что сделало знаменитой Звездную службу, что заставляло нас покидать наш небольшой мир и лететь в самые далекие части Галактики.

Мы приближались к планете с колоссальной скоростью. Терн ничего не делал до последнего момента, потом включил работающие генераторы и повернул падающий корабль хвостом вперед, используя как тормоз выбрасываемые из дюз газы. Называлось это «посадка на хвост». Мало было одного умения, необходима еще добрая удача и хорошее пилотское чутье: если дать слишком сильную тягу, то корабль проскочит мимо планеты, если маленькую — врежется в землю.

Нам повезло. Все произошло в один миг: корабль упал, послышался шум, треск, затем наступила тишина.

Корабль лежал на боку во льду. В одном месте обшивка разошлась, и оттуда наружу уходил воздух.

Мы вышли из корабля и огляделись. Особенно смотреть было не на что: везде — только снег и лед. Воздуха не было, снег вокруг нас состоял из смерзшейся воды и замерзшего воздуха. Над снежной равниной — темное небо, лишь на треть покрытое звездами, остальное — черная пустота. Мы были в самом конце Галактики.

— Генераторы сгорели,— сказал Терн,— А проволоки у нас мало, чтобы перемотать катушки, и мы слишком далеко, чтобы радировать на базу.

— Остается одно,— продолжал он,— найти здесь тантал, тербий и другие необходимые металлы, сделать сплав и намотать новые катушки. Дрил, выйди с радиощупом.

Радиощуп применялся для исследования запасов руды на новых планетах. Он излучал высокочастотные волны с большим радиусом действия, которые могли нащупать любой химический элемент.

Дрил вынес радиощуп из корабля и стал настраивать на нужные металлы. Мы ждали, пока он возился с прибором.

— Мы — везунчики,— заявил он наконец.— Щуп показывает и тербий, и тантал, и все остальное, что нам надо, в больших количествах. Они как раз подо льдом и недалеко отсюда!

— Странно,— сказал я.— Эти металлы никогда не встречаются все вместе.

Терн немного помолчал.

— Давайте попытаемся,— сказал он.— Возьмем сани с генератором и большой лучевой бур, чтобы пробиться сквозь лед. Захватим еще трос и лебедку.

Вскоре все было готово, и мы отправились через снег и льды

на тяжело груженных санях. Было темно, и только от наших прожекторов сквозь мглу ложилась белая дорожка.

Мы часто останавливались, Дрил включал щуп. Наконец, после семи часов изматывающей работы, он посмотрел на прибор и сказал:

— Здесь. Тут должны быть все нужные металлы, но только в четырехстах метрах от поверхности.

Это было странно! Каким образом могли они все очутиться вот так подо льдом? Но мы знали, что радиощуп никогда не ошибается. Сняв бур, подключили его к генератору и начали бурить шахту.

Терн быстро выжег во льду шахту диаметром в три метра. Лучевой бур прошел пятьдесят метров как нож сквозь масло и вдруг на что-то наткнулся. Из скважины взметнулись искры, показалось пламя. Терн немедленно остановил мотор.

— Думаю, мы добрались до наших металлов,— заявил он.

— Это невозможно,— ответил Дрил.— Щуп ясно показал, что они находятся на глубине 400 метров.

— Давайте спустимся и посмотрим,— предложил Терн.— Помогите мне поднять лебедку.

Мы подтащили лебедку и минут через пятьдесят были готовы спускаться.

Вниз должны были пойти только двое, а один остаться ждать наверху. Но никто не хотел оставаться на темном льду. Втроем мы залезли в корзину лебедки.

— Бояться одному остаться в темноте. Скорее похожи на детей, чем на звездных исследователей,— засмеялся Терн.

— Вы захватили с собой бластеры? — вдруг спросил Дрил.

Каждый из нас взял бластер, для чего — сказать трудно. На этой мертвой планете никого не было, и они были просто не нужны.

— Прекрасно, давайте вниз,— приказал Терн.— Орок, запускай мотор.

Я включил мотор, и корзина стала опускаться в ледяную шахту. Здесь было еще темнее, единственным освещением стал луч прожектора, который Дрил направил вниз.

Мы проехали пятьдесят метров, когда у всех вырвался общий крик. Теперь мы видели, почему из-под бура посыпались искры: подо льдом лежал толстый слой необыкновенного прозрачного металла, и лучевой бур прожег в нем дыру.

Терн приказал опустить прожектор в отверстие, и мы увидели... город. Здесь, подо льдом был город! Огромный с величественными зданиями, широкими улицами и проспектами. Целый город был покрыт колоссальным куполом из прозрачного металла.

— Мертвый город под слоем льда и металла,— медленно произнес Терн.

Мертвый город? Мы не видели движения на улицах: они

оставались темными, тихими и пустыми. В нем не было воздуха, а значит не могло быть и живых существ.

Мы включили мотор, и корзина медленно опустилась на улицу, мы вылезли из нее и остановились в молчании.

И вдруг случилось невероятное: вокруг нас возник свет. Сначала слабый, потом все сильнее, сильнее, и, наконец, свет залил весь город.

— Город не умер! — закричал Дрил. — Этот свет...

— Свет мог быть включен автоматически, — перебил Терн. — у этих людей были знания, способные даже на это.

— Мне это не нравится, — прошептал Дрил. — Я чувствую, здесь кто-то есть.

Я тоже это чувствовал. Я не отличаюсь слабыми нервами — нервным особам нечего делать в Звездной службе, — но я чувствовал, что на этих улицах кроется что-то ужасное; никогда раньше меня так не угнетало предчувствие.

— Мы пришли сюда добыть металлы, — сказал Терн, — и добудем их. Свет лишь поможет нам.

Дрил вынул из корзины радиопуп и настроил его. Нужные металлы находились недалеко от нас — надо повернуть налево и пройти вниз по улице.

Мы направились туда. Зрелище было странным: трое в тяжелых металлических скафандрах шагали через пустой город.

— Город очень стар, — заметил Терн. — Здания имеют крыши. Значит, они строились, когда...

— Терн! Орок! — закричал Дрил, оборачиваясь и вытаскивая бластер.

В следующий миг мы увидели странное существо. Оно стремительно мчалось на нас с улицы, которую мы только что прошли.

Затрудняюсь его описать — ни на что не похожий колоссальный черный монстр, ежесекундно принимающий одну форму отвратительнее другой и как бы текущий к нам.

Мы открыли огонь из бластеров.

Монстр потек назад и мгновенно скрылся между двумя домами. Мы бросились за ним. Но он уже убежал.

— Что это было? — спросил я шепотом.

Терн немного помолчал, затем ответил:

— Не знаю. Существо — живое, ты сам видел. А его поведение, когда мы выстрелили, показывает, что оно — разумно.

— Но живое существо не может жить в вакууме, — начал я.

— Вероятно, формы более разнообразны, чем мы думаем, — перебил Терн.

— Не понимаю, как подобные существа смогли выстроить такой город...

— Вон там другой! — заорал я.

Второй монстр, текущий на нас, выглядел, как огромный желтый червяк. Мы выстрелили, он исчез.

— Надо идти,—сказал Терн, я заметил, что он нервничает.— Нужные металлы находятся в этом грандиозном белом здании или где-то рядом, мы должны или добыть их, или просто умереть во льду наверху.

— Может быть, это было бы лучше,—шепнул Дрил. Но пошел с нами.

Каждый шаг к белому зданию сопровождался все более и более ужасными кошмарами. Черные и желтые твари толпились вокруг нас, мы стреляли и стреляли, но затем перестали, потому что никого из них не могли убить.

Чудовища не делали попыток напасть на нас, они следовали за нами и наблюдали за нашими действиями. Стоило двинуться к белому зданию, как их число возрастало.

Но куда хуже этих монстров было гнетущее предчувствие, которое овладело нами, едва мы вошли в город. Оно усиливалось с каждой минутой.

— Думаю, мы подвергаемся психологической атаке,—сказал Терн.— И она становится сильнее при подходе к белому зданию.

Наконец мы подошли вплотную. Неторопливо распахнулись гигантские двери и показалось существо, от вида которого кровь застыла в наших жилах.

— ТАКОЕ никогда и нигде не могло появиться в нашей галактике,—вскрикнул Дрил.

Оно было черным, высотой почти с двухэтажный дом, внешне походило на жабу, но все время меняло очертания. Три глаза горели холодным зеленым огнем и наблюдали за нами с гипнотической настойчивостью.

Мы разом выстрелили из бластеров, но без заметных результатов: существо продолжало спускаться по ступеням.

Дрил завопил и бросился бежать, я последовал за ним. И в этот момент Терн вдруг крикнул:

— Подождите! Посмотрите на него! Оно дышит!

Сначала мы ничего не поняли. А потом я сообразил. Чудовище дышало. Но ведь здесь нет воздуха!

Терн внезапно шагнул вперед. Это был самый смелый поступок, когда-либо совершенный членом Звездной службы. Он двигался прямо на черного монстра. Когда он подошел к нему, тот исчез. В тот же миг исчезли все твари, толпящиеся позади нас.

— Так он ненастоящий? — прошептал Дрил.

— Это был всего лишь проецированный гипнотический образ,—спокойно произнес Терн.— И все другие монстры тоже. Тот факт, что существо дышало, когда здесь нет воздуха, поддал мне мысль, что оно — нереально.

— Но тогда,—сказал я медленно,—те, кто производил эти гипнотические атаки, находятся в этом здании?

— Возможно,— заявил Терн,— но и металлы тоже. Мы войдем внутрь.

Мы поднимались по лестнице, с каждым сделанным шагом ощущение ужаса нарастало. Я почувствовал, что схожу с ума. Но как только вошли внутрь, все страхи разом исчезли. Это походило на чувство, которое испытываешь входя из темноты в ярко освещенную комнату.

— Слышите! — прошептал Терн.— Мне кажется...

Я тоже слышал, это была музыка.. Сначала тихая и далекая, она становилась все громче и громче — симфония поющих инструментов и голосов.

Музыка была непривычной, подобной мы еще никогда не слышали. Но мы понимали ее: это была симфония борьбы и надежд, отчаяния и побед неведомого народа. И мы, стоя, слушали ее.

— Они идут,— шепнул Терн.

Я увидел их тоже. Мне не было страшно, хотя ничего более странного я до сих пор не видел.

К нам приближалась длинная процессия. Это были люди мертвой планеты, люди минувшего. Они были двуногими, очертаниями похожи на нас, и в то же время чужие и необычные.

Музыка замерла вдали, и фигуры остановились невдалеке, посмотрели на нас. Затем один из них заговорил. Язык был незнакомым, мы его не понимали, но воспринимали телепатически.

— Вы, те, кто пришел сюда, ничего не испугавшись,— произнес он,— в этом городе нет жизни. Все существа, которых вы видите, все чудовища, которые нападали на вас, и даже я сам, разговаривающий с вами, лишь фантомы, проецированные в мозг с помощью телепатических записей.

— Мы — давно умерший народ, родившийся на этой планете. Сначала мы жили небольшими группами, называвшимися трибами, трибы боролись друг с другом, потом мы объединились в большие группы — нации, но мира между нами все еще не было. Наконец, мы поняли, что нет различий между людьми разных наций, и создали общий союз. Это принесло нам силу и славу. Мы достигли других планет и звезд и освоили их.

— Прошло время. Прошло очень много времени. Наша планетная система умирала, мы знали, что умрем вместе с нею. Но еще мы знали, что настанет день и новые формы жизни создадут свои цивилизации в других частях Галактики, настанет день и существа с других звезд придут сюда. Для этих будущих галактических цивилизаций мы приготовили город, где собраны все наши знания о науке и технике.

— Вы — здесь, и мы уверены, что вы достаточно разумны, чтобы использовать в добрых целях то, что тут собрано. Доказательством вашего интеллекта служит то, что вы нашли в себе достаточно сил и победили гипнотические видения.

— Вы, слушающие меня! В этом городе все ваше! Возьмите и мудро распорядитесь на благо всей Галактике и ее рас.

— А теперь от нас, людей прошлого, вам, людям будущего,— прощальный привет.

Фигуры, стоящие перед нами, исчезли. Мы, трое, остались одни в безмолвном белом здании.

— Что за люди они были! — прошептал Терн.— Умирали и все-таки думали о будущем!

— Давайте все же найдем металлы,— сказал Дрил.— Мне сейчас хочется лишь одного: вернуться на корабль и выпить вина.

Мы нашли больше, чем желанные металлы: целые волновые генераторы, которые оказались гораздо лучше наших.

Я не буду вам рассказывать, что мы там обнаружили. Звездная служба уже тщательно исследует все, что было найдено, и скоро об этом узнает вся Галактика.

Было тяжело перетащить генераторы к кораблю, но поставить их оказалось легче.

Наконец корабль был отремонтирован, мы вошли в него и сняли скафандры. Как чудесно было без них.

Дрил взял бутылку нашего самого лучшего вина и наполнил бокалы. Мы встали, смотря на мертвую планету.

Терн поднял свой бокал.

— Мы пьем за великую мертвую расу мертвой планеты,— сказал он.— Мы пьем за все расы Галактики, прошлые, настоящие и будущие!

Планета Гренвилла

Вишер не замечал блеска новой планеты. Находясь в хвостовом отсеке корабля, он не смотрел на видеоплейт. После 14 лет проведенных в Звездной службе ничто не вызывало у него интереса.

Гренвилл же, молодой пилот, наоборот, был чрезвычайно заинтересован. Разглядывая планету, он увидел, что у нее четыре луны, свет которых придавал ей еще больше блеска и голубизны. Это было самое прекрасное зрелище, которое Гренвилл когда-либо видел. Он нажал кнопку интеркома, но Вишер не пришел и не ответил.

Планета была теперь совсем рядом и сверкала, как огромный шар из голубого полированного стекла. Гренвиллу стало ясно, откуда такой блеск и голубизна: это был мир воды.

Гренвилл еще раз нажал кнопку интеркома. Наконец Вишер явился.

Увидя на экране видеоплейта воду, он медленно произнес:
— Да, кто бы мог подумать?

Вся планета светилась голубым цветом, только на полюсах был лед и какие-то белые облака, но все остальное — вода.

Гренвилл засмеялся — мир из воды!

— Ну, как тебе это нравится? — спросил он. — Один против миллиона, Сэм. Уверен, ты никогда ничего подобного не видел.

Вишер промолчал, подошел к радарам, включил и настроил их. Корабль не спеша облетел планету, но радары так и не показали земли.

Как всегда, первым начал разговор Гренвилл:

— Что ж, рано или поздно, это должно было случиться. Даже Земля на три четверти покрыта водой. Обязательно существуют планеты, на которых вовсе нет суши.

Вишер кивнул. Он вновь посмотрел на экран видеоплейта и сказал:

— Давай-ка вниз.

— Вниз? Куда?

— Спустимся пониже. Хочу посмотреть, кто живет в этом океане.

Каждый раз встреченный мир был совершенно новым, и поэтому опыт, приобретенный на других планетах, ничего не значил. Вот почему в Звездной службе было много правил и предписаний: как садиться, как выходить из корабля, как дышать на новой планете. Эти правила спасли жизнь многим, помогли открыть и исследовать немало миров.

Правила гласили, что при первом исследовании корабль не должен снижаться более, чем на 500 метров над поверхностью планеты. Поэтому Гренвилл приблизил корабль на предписанное расстояние, и с помощью радаров они начали обследовать океан.

Каково же было их удивление, когда обнаружили, что в океане нет жизни: ни рыб, ни водорослей — ничего.

Они обогнули планету, но жизни так и не нашли. Потом заметили остров.

Он был маленький, очень маленький, менее пяти миль в длину и двух в ширину. Остров походил на коричневую сигарету в зелено-голубых водах океана.

Гренвилл посмотрел на забавный островок и засмеялся. Его переполняла гордость: он — первый, кто увидел планету, это — его открытие, ее даже могут назвать его именем. Сердце часто забило. Так уже было: немало планет носило имена членов Звездной службы.

Пока он размышлял, Вишер провел корабль совсем близко над островом, и они увидели, что он покрыт чем-то вроде странной коричневой растительности.

Внезапно они обнаружили еще остров. Он тоже походил на сигару, но был больше: около двухсот миль длиной и несколько миль шириной.

Они решили сесть на этот остров.

— Странно,— проговорил Вишер, разглядывая песок на взморье.

— Что странно? — спросил Гренвилл.

— Не знаю,— помедлив, ответил Вишер.— У меня ощущение опасности.

Гренвилл ничего не сказал. На острове не было ничего, что могло бы представлять опасность для человека: радары и другие приборы зафиксировали всего лишь один вид животных — маленьких, четвероногих, медлительных и шумных, величиной с собаку. Но Гренвилл тоже чувствовал опасность.

Оба стояли возле корабля: правила запрещали отходить далеко до тех пор, пока не будет уверенности в безопасности, а они, отнюдь, не были уверены в этом.

— Какой здесь воздух? — спросил Вишер.

Гренвилл как раз изучал показания прибора, через минуту он сказал:

— Хороший.

Вишер снял шлем, воздух был чист и свеж. Он с удовольствием вдохнул его и огляделся вокруг.

Космический корабль стоял на мягком красноватом песке. К северу от него виднелось открытое море, а к югу — лес из каких-то коричневых растений, которые они заметили с воздуха. Это был лес, но очень странный лес. Совершенно прямые растения росли правильными рядами и были все одной высоты — примерно трех метров. В прямизне и регулярности деревьев таилась что-то угрожающее, но вдыхая свежий воздух, Вишер почувствовал себя увереннее. У них был космический корабль, бластеры, и специальная система сигнализации об опасности — бояться было нечего.

Гренвилл вытащил из корабля два складных стула. Они уселись и проговорили до наступления вечера.

Взошли две луны.

— Луны, — внезапно произнес Вишер.

— Что?

— Я думаю о них и приливе, — объяснил Вишер. — У планеты четыре луны, а четыре луны вместе могут вызвать колоссальных прилив.

Гренвилл сидел с закрытыми глазами: он грезил о славе открывателя планеты Гренвилла, и его абсолютно не интересовали ни четыре луны, ни приливы.

— С чего вы беспокоитесь о приливах? Пусть о них волнуются ученые умники из Звездной службы, — произнес он безразлично.

Но Вишер продолжал:

— Когда совмещаются одновременно все четыре луны, они поднимают огромные массы воды, которые размывают сушу. Этим объясняется, почему на планете нет суши. Но если приливы поглотили континенты, как смогли уцелеть маленькие песчаные острова, как вот этот? Достаточно одного прилива, чтобы смыть напроочь оба острова. Но, возможно, приливы происходили через многие столетия?

Он взглянул на обе луны и повернулся к морю, и тут вспомнил, что первое пришло ему в голову, когда увидел планету.

Эволюция миллиард лет в море, без земли для развития млекопитающих. Что происходит в море сейчас?

Вишер был испуган.

Вернувшись на ночь в корабль, они герметически закрыли шлюзовую камеру и включили сторожевые экраны.

Сигнал тревоги раздался в полночь — и Гренвилл, и Вишер были напуганы, но это оказалось всего лишь животное, довольно большое, с худощавым сильным телом. Оно убежало преж-

де, чем его успели заметить, но было автоматически сфотографированно.

Всю вторую половину ночи Вишер не смог заснуть, и утром был уже целиком за возвращение на базу Звездной службы. Но в правилах говорилось: если нет признаков опасности, обязательно привезти образцы флоры и фауны планеты. А здесь явных признаков опасности не обнаружилось.

Гренвиллу тоже хотелось поскорее вернуться на базу, но по другой причине. Ему хотелось, чтобы все на базе узнали о планете Гренвилла.

Рано утром они опять облетели планету, с помощью радаров определили очертания и координаты островов, а также существующие на них формы жизни. Как и прежде, они нашли очень немного: нескольких животных, каких-то змей, но ни птиц, ни рыб совсем не было.

Затем они возвратились на свой остров. Гренвилл уже придумал имя для этого острова — Северный Гренвилл, а другой остров, лежащий южнее, стал, конечно, Южным Гренвиллом.

Теперь им осталось только собрать образцы, и можно было отправляться на базу.

— Не подходи к воде. Я схожу сам,— сказал Вишер.

— Хорошо, маменька,— смеясь, ответил Гренвилл.— Не пойду к воде, но в лес могу сходить?

— Не забудь бластер,— без тени улыбки ответил Вишер.

Когда Гренвилл ушел, Вишер направился к воде.

Не может быть, думал он, что в этом огромном теплом океане нет никакой жизни? Ведь жизнь зарождается именно в океане. Но ее не было. Ни водорослей, ни рыб — ничего. Только песок и вода.

Он стоял неподвижно около воды, уверенный в то, что опасность исходит отсюда.

Теплые моря, которые ему доводилось видеть, на любой планете кишели различными формами жизни, большими и малыми. А здесь? Ничего. Он подумал о злобных ускользающих существах, живущих в этом море, о существах, которые были виновниками неестественного бесплодия вод.

Очень осторожно подойдя к воде, он взял пробу и быстро зашагал к кораблю. Через несколько минут он уже знал, что вода — такая же, как на Земле, но в ней не было даже бактерий!

Когда Гренвилл вернулся из леса, Вишер попытался обсудить с ним эту проблему, но Гренвилл остался равнодушен.

— Возможно, рыбе не нравится здесь жить,— ответил он.

«Возможно, существуют совершенно другие причины, почему жизнь отсутствует здесь»,— подумал Вишер, но вслух произнес:

— Компьютер определил орбиты лун.

— И что же?

— Все четыре луны совпадают каждые 112 лет, они поднимают прилив до 200 метров.

Гренвилл не понял, что тот имеет в виду, и промолчал.

— Такой прилив,— продолжал Вишер,— на 150 метров выше островов. Вопрос в том, откуда взялись животные, живущие на острове.

— Они должны были бы утонуть,— медленно произнес Гренвилл.

— Да, они должны были утонуть, если только они не амфибии, а они — не амфибии. Или они возникают каждые сто лет.

— Это невозможно. Они не могут появляться заново каждую сотню лет! — вскричал Гренвилл.

— Согласен, что это невозможно,— сказал Вишер.— Тогда эти острова искусственные и сделаны кем-то или чем-то, что обитает в море.

Разговаривая, они стояли возле корабля, Гренвиллу хотелось немедленно покинуть планету.

— Несмотря ни на что, мы не можем улететь,— тихо произнес Вишер.— Мы не собрали нужные образцы и не заметили какого-нибудь реального «признака опасности».

— В этом море кроется вполне достаточный «признак опасности»,— быстро проговорил Гренвилл.

— Да, море,— задумчиво протянул Вишер.— Это легко сообразить. Эволюция никогда не останавливается, изменяя и приспособлявая все, как это происходит во Вселенной. Она не смогла достичь многого на суше, каждые сто лет эта земля оказывается под водой.

Но эволюция не останавливалась ни на миг. Она продолжалась под водой, и результатом ее здесь были разумные существа. Мы не знаем, какого прогресса они достигли. Но цивилизация должна быть высокоразвитой, раз созданы искусственные острова...— Вишер внезапно остановился, подумав, что острова не являются показателем высокого развития цивилизации. Египтяне на Земле сооружали пирамиды, будучи не так уж высокоразвитыми.

Он остановился на этом, задумавшись о тех, кто жил под водой. Почему они не пришли, когда увидели космический корабль? Не может быть, чтобы не заметили его.

— «Это — не рыбы,— думал он.— Им были нужны... руки, или щупальца». Он внезапно представил разумных спрутов и почувствовал, что волосы на голове становятся дыбом.

Он обернулся к Гренвиллу.

— Вы добыли образцы животных? — спросил он.

— Нет, только растительности.

Мы должны поймать животное, из-за которого прошлой ночью поднялась тревога, потом покинем планету. Я подготовлю корабль к отправлению, а вы добудьте животное.

Гренвилл взял бластер и не торопясь направился к лесу. Назад он уже не вернулся.

В конце третьего часа после ухода Гренвилла Вишер зашел в свою каюту и забрал тяжелый бластер. Он собирался отправиться в лес, посмотреть что с Гренвиллом.

Конечно, он нарушал инструкции, в которых говорилось, что если Гренвилл не вернется назад в течение трех часов, то считается мертвым и Вишер обязан немедленно оставить планету. Специальный корабль вернется за Гренвиллом или... его телом. Вишер думал именно об этом, когда брал оружие. Он знал, что нарушает правила, но это была единственная инструкция, которую он нарушал не первый раз, ради Гренвилла или кого-либо еще.

Перед тем, как уйти он включил сторожевые экраны — они уничтожат все, что приблизится на 50 метров к кораблю. Если он или Гренвилл вернуться, то экраны выключатся звуком их голосов. Если же совсем никто не возвратится, корабль сам себя взорвет.

На мягком песке остались следы ног Гренвилла, и Вишер легко последовал за ним.

Наконец, он вошел в лес. Земля была покрыта нежной коричневой травой, и Вишер уже не смог различать следы. Вдруг он услышал взрыв. Корабль! Кто-то или что-то прошло около корабля. Первым побуждением было кинуться назад, но он знал, что корабль в безопасности. Помедлив, он шагнул вперед и упал. Упал сквозь мягкую коричневую травянистую подстилку в яму. Вишер почувствовал, как металл входит в ноги, плечи. Он мгновенно понял, что это — звериная ловушка.

Вишер попытался достать бластер. Но тот лежал слишком далеко. Ноги и плечи... он чувствовал ужасную боль, как только пробовал пошевелиться.

Медленно сняв с пояса пистолет и утопая в море боли, он принялся ждать. Страху не было, он нарушил инструкцию, и поэтому это произошло. Он ждал. Но никто не шел.

Почему? Почему?

Вишер знал: с Гренвиллом произошло то же самое. Но почему?

Теперь, когда все уже случилось, он не мог понять, почему не испытывает страха, было только... любопытство.

Он посмотрел на ноги и увидел свою кровь, пока смотрел, понял, что умирает.

Вишер знал: у него очень мало времени, но не боялся — хотелось увидеть тех, кто выкопал ловушку.

Но прежде, чем они пришли, он умер.

Ловушки были выкопаны ночью. Они вышли из моря в запо-

ведник подготовить ловушки — остров служил охотничьим заповедником — и вернулись ожидать в море.

Космический корабль был замечен с самого начала. Лучшие умы моря собрались вместе и составили план. Это были огромные спрутоподобные люди, чья цивилизация не намного отставала от земной. Они хотели захватить космический корабль, для чего с него необходимо было убрать землян. Вот почему Гренвилл и Вишер умерли.

Корабль одиноко и молчаливо стоял на песке, но он был жив. Когда один из спрутов попытался подойти к нему, то был разорван на куски.

Время не имело значения для разумных спрутов. Они всегда одерживали победу, сейчас они могли подождать и подумать. Наступала темнота, но большая толпа, лучшие из лучших, умнейшие из умных, окружили корабль, ожидая и размышляя.

В корабле маленькая красная стрелочка двигалась к нулю. Когда она его достигнет, корабль взорвется, и вместе с ним взлетят на воздух и остров, и море. Но спруты этого не знали, они не могли знать, так же, как Вишер и Гренвилл не могли предвидеть особенностей этой планеты.

Толпа становилась все больше и больше.

Маленькая стрелочка подошла к нулю.

2 р. 50 к.

3-44